

Но слова, которые Фан Таньи бросил ему днём, словно заморозили его. Он действительно не был никем для Фу Вэйяна, и у него не было права звонить ему. Однако просто так вернуться он не мог.

После долгих раздумий Цзян Сюйхань придумал небольшой, но не совсем зрелый план.

Он решил перелезть через стену, а затем позвонить Фу Вэйяну, сказав, что опоздал и не может попасть в университет, и спросить, не хочет ли тот составить ему компанию в ночном походе в интернет-кафе. Это был небольшой тест.

Если Фу Вэйян уже дома, то он успокоится. Главное — не дать этому типу увести «Белого Скелета»!

Цзян Сюйхань хорошо всё продумал и действовал быстро. Пока он следил за дежурным и карабкался на стену, ветер шелестел травой под ногами, а из-за лёгкого волнения он не заметил, как сверху опустилась чья-то нога.

Фу Вэйян собирался прыгнуть, и его нога ударила по руке Цзян Сюйханя. Тот невольно испугался, отвлекся и, схватив его за лодыжку, упал вниз.

Во время падения Цзян Сюйхань почувствовал знакомый аромат жасмина, узнал Фу Вэйяна и постарался удержать его, чтобы тот не ударился.

— Эээ... Почему этот дежурный всё ещё здесь?

Цзян Сюйхань, обнимая Фу Вэйяна, притаился в густой траве, затаив дыхание и шепча ему на ухо.

Фу Вэйян был не тяжёлым, но его спина ударилась о камень, и острая боль чуть не лишила его чувств.

— Тссс, молчи.

Прохладное дыхание коснулось его уха, оставив на нём лёгкую влагу. Цзян Сюйхань на мгновение очнулся, а затем его лицо покраснело.

Что он делал?

Он же обнимал Фу Вэйяна!

Осознав это, Цзян Сюйхань не только почувствовал, как учащённо забились его сердце, но и ощутил, как в груди разгорается странное пламя, которое щекотало и приносило странное удовольствие.

Оказывается, Фу Вэйян, который всегда казался таким отстранённым, на самом деле такой мягкий...

Цзян Сюйхань начал терять концентрацию, его пальцы, лежащие на ткани одежды Фу Вэйяна, непроизвольно сжались, словно маленькие змейки, слегка зацепив позвоночник, а затем намеренно провели по нему пару раз.

Пока он мысленно благодарил дежурного за то, что тот задержался, взгляд Фу Вэйяна пронзил его.

Цзян Сюйхань сразу же остановил свои шалости, и его лицо стало ещё краснее.

Фу Вэйян посмотрел на него с презрением, думая, что этот парень действительно любит выкидывать глупости. В такой момент вместо того, чтобы спокойно ждать, он трогает его спину?

— Ладно, наконец-то он ушёл.

Когда Фу Вэйян встал, Цзян Сюйхань всё ещё сидел, как вкопанный. Его руки опустели, и огонь в груди погас. Он с сожалением вспомнил это ощущение и даже хотел позвать дежурного обратно, чтобы тот постоял ещё немного.

— Пошли, возвращаемся.

Фу Вэйян увидел, что тот застыл как истукан, и легонько пнул его ногой, едва касаясь.

Его тонкая лодыжка мелькнула перед глазами Цзян Сюйханя. Он слегка сжал кулак — именно этой рукой он схватил его. Тонкая, прохладная... Тело Фу Вэйяна всегда казалось холодным.

Вернувшись в общежитие, Фу Вэйян первым делом принял душ. Выйдя, он увидел, что Цзян Сюйхань неловко сидит на кровати, игнорируя принесённый торт и напитки.

— Ты же не ужинал, почему не ешь? — спросил он, слегка нахмурившись.

— Этот торт от того типа, не хочу его...

Цзян Сюйхань пробормотал себе под нос, надув губы и делая вид, что не слышит.

Фу Вэйян посмотрел на него, открыл коробку и сказал Фан Тань и Бай Мэнлэю, которые ещё не спали:

— Моя мама испекла торт, сегодня его привезли. Хотите попробовать?

Маленький корги насторожил уши и спросил:

— Твоя мама испекла?

— Угу.

— Я голоден, я съем его, это всё моё!

Цзян Сюйхань отбросил телефон, подсел к столу и жадной рукой обхватил торт и напитки, кивнув в сторону старших товарищей.

Фан Тань, увидев его, только скривился:

— Никто с тобой не спорит, всё твоё.

—

Местом сбора сплетен в общежитии Университета Цин была столовая.

Фу Вэйян и его друзья, хотя и учились на разных факультетах, сегодня утром оказались свободны и решили пообедать вместе.

— Вы слышали? В музыкальной комнате Сада Цзышэн снова... привидение!

— Да, да, я рискнул послушать внизу. Оно играло не в такт, но с моим слухом, как у пианиста десятого уровня, я распознал — это была «Auld Lang Syne»!

— Герой, преклоняюсь перед тобой. Слушать, как призрак играет, будь осторожен, он может прийти за тобой ночью, ха-ха-ха!

Бай Мэнлэй обернулся и спросил с акцентом:

— «Auld Lang Syne» — это что?

Фу Вэйян положил в рот кусочек зелени, прожевал и ответил:

— «Старая добрая дружба», это...

Он слегка нахмурился, чувствуя, что недавно где-то слышал эту мелодию.

Цзян Сюйхань был атеистом.

Во-первых, он не верил, что призраки действительно могут играть на пианино.

Во-вторых, в университете всегда находились те, кто любил раздувать слухи, преувеличивая события, чтобы привлечь внимание.

Однако среди сплетников был один неприятный тип — Ли Сяомин. Он подошёл, смеясь громче всех:

— Ха-ха, я тоже могу сыграть это. И не только на пианино, но и на скрипке!

Цзян Сюйхань отвернулся, исключая его из поля зрения, и уже собирался что-то сказать, как заметил, что Фу Вэйян задумчиво посмотрел на Ли Сяомина.

Этот взгляд только подогрел Ли Сяомина. Даже не подходя ближе из-за Цзян Сюйханя, он помахал рукой:

— Вэйян, тебе нравится? Если хочешь, я сыграю тебе как-нибудь!

Фу Вэйян отвел взгляд и продолжил есть.

Ли Сяомин не обратил внимания на его холодность и, словно отважный воин, продолжил:

— У тебя есть время сегодня вечером? Мы как раз репетируем в музыкальном клубе. Или завтра вечером!

— Наелся, пошли.

Фу Вэйян встал и вышел из столовой. Он не хотел становиться объектом внимания. Ли Сяомин мог позволить себе быть наглым, но он предпочитал сохранять лицо.

— Этот тип просто невыносим, болтает без остановки.

Фан Тань шёл рядом, усмехаясь:

— С его уровнем игры на скрипке, он ещё и хвастается. Скажешь ему, что он толстый, а он тут

же начинает пыхтеть.

Бай Мэнлэй не любил сплетничать, как Фан Тань, но Ли Сяомин, обычный и самоуверенный, вызывал у него отвращение.

Как говорится, двойственность — это не страшно, но двуличность — это уже вершина подлости.

Бай Мэнлэй посмотрел на Фан Тань:

— Ли Сяомин ведь не из художественного факультета? С его уровнем игры на скрипке?

— Да ну, говорят, их старший в комнате — художник, и вот к нему постоянно подходят младшекурсники, чтобы выразить свои чувства.

Фан Тань кашлянул и продолжил:

— Я думаю, он увидел, как его старший пожинает плоды, и решил попробовать то же самое.

— Ну, это уже сложно сказать.

Фу Вэйян не проронил ни слова, а Цзян Сюйхань лишь изредка поглядывал на него. Наконец, он не выдержал и спросил:

— О чём ты думаешь?

— О Ли Сяомине.

Цзян Сюйхань взорвался:

— Ты сказал, о ком ты думаешь?!

Фу Вэйян задумался, не заметив, как тон вопроса Цзян Сюйханя повысился на несколько ступеней, и продолжил анализировать:

— Помнишь, в тот вечер в ресторане «Чжуаньюань», что Ли Сяомин играл на скрипке?

Цзян Сюйхань покачал головой, чувствуя, что в его словах есть подтекст.

— Сегодня вечером возьмём старших и пойдём в Сад Цзышэн.

Фу Вэйян слегка прикусил губу, отчего она стала краснее. Цзян Сюйхань замер, глядя на него, и медленно произнёс:

— Хорошо.

Фу Вэйян не мог объяснить, зачем ему это нужно. Возможно, за всем этим скрывалось простое желание прикоснуться к инструменту.

Цзян Сюйхань: Сколько же у меня соперников! Постепенно теряю терпение.